

И. С. Свенцицкая

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ МАЛОЙ АЗИИ¹ В СИСТЕМЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Подчинение части Малой Азии Риму во II в. до н. э. и образование провинции Азии отнюдь не означало коренного изменения в экономическом развитии страны. Основные тенденции, наметившиеся в эллинистический период, продолжались сказываться и под римским владычеством. Эти тенденции заключались прежде всего в развитии полисов и их объединений (симполитий, союзов городов)², что способствовало увеличению удельного веса частной земельной собственности, которая развивалась как крупная земельная собственность граждан полисов³. Образование провинции Азии не внесло ничего существенно нового в этот процесс, поскольку в период республики хищническая эксплуатация провинций аннулировала все преимущества, которые могли проистекать из наличия тесных экономических связей с областями, где господствовали более высокие формы рабовладельческой собственности. Переломным моментом в экономическом развитии Малой Азии явилось установление империи, которая упорядочила систему эксплуатации провинций и при которой создались новые условия, влиявшие на провинциальную экономику.

В период Римской империи провинция Азия включала в себя Мисию, Лидию, Карию, Троаду, Ионию, Фригию, а также Родос, Самос, Хиос и Лесбос (А. Ранович, ВП, стр. 35). В 43 г. была образована провинция Ликия и Памфилия (там же, стр. 85). За основу административного деления провинций римляне приняли городские округа. Плиний сообщает о судебных округах провинции Азии — *conventus*, которые соответствовали сложившимся в эллинистический период территориям, контролировавшимся тем или иным полисом. *Conventus* Апамеи включал в себя шестнад-

¹ В понятие Западной Малой Азии включается не только провинция Азия, но и Ликия, поскольку в эллинистический период такие области, как Ликия и Кария, были экономически и политически тесно связаны друг с другом и в последующий период их развитие также шло сходным путем, хотя они и находились в разных провинциях.

² О развитии полисов и союзов городов в эллинистический период см. D. M a g i e, RRAM, стр. 65, слл.; M. H o l l e a u x, *Études d'épigraphie et histoire grecque*, II, P., 1938, стр. 290 слл.; G. E. V e a n, *Notes and Inscriptions from Lycia*, JHS, 1948, стр. 55 слл.; L. R o b e r t, *Villes d'Asie Mineure*, P., 1935, стр. 62 слл.

³ О развитии частной собственности на землях городов см. E. B i k e r m a n, *Institutions des Séleucides*, P., 1938, стр. 138 слл.; T. Z a w a d s k i, *Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjateckich w epoce hellenizmu*, Poznań, 1952, стр. 69 слл.

цать самоуправляющихся поселений, *conventus* Синады — двадцать два. Существовали *conventus* Алабанды, Эфеса, Смирны¹. Опираясь на города, римляне, как и эллинистические правители, даровали городам, оказывавшим им поддержку, земельные владения и в ряде случаев освобождение от налогов. Для характеристики этой политики интересны две надписи еще республиканского времени. Первая из них содержит принятое при Сулле постановление римского сената о Стратоникее, вторая — распоряжение Марка Антония об освобождении от налогов городов Афродисия и Пларасы (эти два города находились в симполитии). Постановлением сената Стратоникее передавалась большая территория, в том числе город Керам. За Стратоникеей признавалось право на владение деревнями, гаванями, доходами от подчиненных полисов. Все зависимые от Стратоникеей поселения обязаны были платить ей налог (OGIS, 441). Афродисий и Плараса освобождались от налогов, взимаемых римлянами, и за ними утверждалось право на владение окужающими землями (деревнями, полями, крепостями — OGIS, 455). В этой надписи не сказано о даровании новых земель — римляне утверждали право на владение землей, которая уже в течение долгого времени находилась под властью этих полисов. Эллинистические правители могли даровать землю или отнять часть земли у побежденного города, римляне же самое право владения землей даже в отношении городов *libera et immunis* ставили в зависимость от утверждения этого права римским государством, что совершенно естественно, так как верховным собственником всей территории провинции был «римский народ». В надписи из Стратоникеей времени Домциана прямо указывается, что город пользуется свободой и автономией лишь по милости Августов².

Римляне, как и эллинистические правители, проводили политику основания новых городов, служивших опорой римского господства в провинциях. Основание это сводилось, как правило, к дарованию прав муниципий небольшим поселениям, находившимся в зависимости от крупных городов. Так, объединение гилларимейцев, ранее подчиненное Стратоникее, во II в. получило статут полиса³. Во II в. некоторые деревни (деревни) были преобразованы в полисы, например Флавия Цезарей, Авреополь. В Мисии Адрианом были основаны, вернее преобразованы из деревень, Адрианополь, Адрианей и Адрианы (см. D. Magie, RRAM, стр. 600 сл.).

В отличие от эллинистических правителей, выведших многочисленные греческие колонии, императоры собственно римских колоний выводили немного. Большая часть таких колоний была расположена в отдаленных горных местностях, не захваченных эллинистической колониза-

¹ Pflügel, HN, V, 95, 105 и 109. Подробно о *conventus* см. A. N. M. Jones, The Cities of Eastern Roman Provinces, 1937, стр. 47 сл. В провинции Азии существовали еще *regio* — налоговые округа (см. V. Charot, La province romaine proconsulaire d'Asie, P., 1907, стр. 92 сл.), также образованные вокруг городов. Особое место в системе провинций занимали императорские домены, которые имели собственную администрацию (см. ESAR, IV, стр. 656).

² Об этой надписи см. D. Magie, RRAM, стр. 593. В противоположность эллинистическому периоду, дарование городу свободы или даже *ius italicum* не означало освобождения от налогов (см., например, О. В. Кудрявцев, Эллинистические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., 1954, стр. 125 сл.).

³ A. Maiuri, Nuova silloge epigrafica di Rode e Cos, Firenze, 1925, № 18. Кочов в данном случае означает не союз городов, а объединение нескольких сельских общин (такое объединение происходило обычно вокруг святилища), пользовавшееся некоторыми правами самоуправления (в частности, у таких объединений было народное собрание, но не было буле). В эллинистический период на землях городов часто встречались также *κονί* (см. F. Francotte, La polis grecque, I, P., 1907, стр. 216—217; M. H. Colla ux, Notes sur l'épigraphie et l'histoire de Rhodes, BCH, 1893, стр. 56 сл.).

цией. Основной формой урбанизации Западной Малой Азии было уже указанное выше преобразование в полисы поселений, ранее зависевших от крупных полисов. Наиболее существенной привилегией этих городов была чеканка бронзовых монет, имевших хождение на внутреннем рынке. Во второй половине I в. н. э. около 100 городов провинции Азии чеканили бронзовую монету. Во II—III вв. число таких городов значительно увеличилось (А. Ранович, VII, стр. 42). Собственная чеканка монеты для внутреннего обращения создавала для мелких городов некоторую экономическую самостоятельность, освобождала их в какой-то мере от полного экономического подчинения крупным городам, ослабляя последние. Такая политика римлян по созданию более мелких городских центров имела свои основания.

По мнению французского историка Шапо (ук. соч., стр. 103), римляне возводили деревни, принадлежавшие городам, в ранг полиса, чтобы увеличить центры местной жизни и избежать опасности слишком больших метрополий¹. Это соображение действительно имело место. К I в. н. э. в Западной Малой Азии происходит процесс образования крупных городских объединений, представлявших значительную политическую и экономическую силу, которая могла в ряде случаев оказаться враждебной по отношению к римлянам. Кроме того, отдельные крупные города враждовали друг с другом, затрудняя тем самым нормальное управление провинцией. Так, например, два торговых соперника — Смирна и Эфес враждовали и во II в. (D. Magie, RRAM, стр. 599). Мелкие города, наоборот, были покорными исполнителями и проводниками воли центрального правительства.

Известную роль в римской политике по отношению к городам должны были играть и финансовые соображения. При Цезаре для сбора прямых налогов была отменена откупная система; налоги уплачивали самоуправляющиеся поселения непосредственно государственному чиновнику. При развитом бюрократическом аппарате римляне предпочитали не прибегать к посредничеству крупных городов, которые неизбежно оставляли бы часть налогов себе, выжимая из податных общин последние соки и подрывая их платежеспособность. Более мелкие податные округа, центрами которых становились вновь образованные полисы, были для римлян значительно удобнее. Эти вновь образованные города, так же как и старые греческие, имели приписанную к ним сельскую территорию. В этом отношении характерна надпись о предоставлении императором Адрианом преобразованному полису — Адрианополю в Лидии прав на доходы с земли (IGRR, IV, 1456: τὰ μὲν τέλη τὰ ἐ[κ] τῆς χώρας δίδωμι ὑμῖν «дарую вам подати с земли»). Земля в данном случае не становится собственностью города, она продолжала оставаться собственностью римского государства, город получал только право сбора налогов в свою пользу (и то, вероятно, только части их). Полисы оказывались просто административными центрами в системе римского государства, поскольку земля не являлась их собственностью. Политика римлян по созданию большого количества мелких муниципальных единиц, находящихся под контролем римских чиновников², не могла не ослабить как политического, так и экономического значения старых крупных полисов.

¹ В. Рамсей объясняет преобразование римлянами деревень в города тем, что деревнями-общинами жили племена, а «племенное единство было опасно для единства империи» (W. Ramsay, The Social Basis of Roman Power in Asia Minor, 1941, стр. 5). Однако для Западной Малой Азии это соображение не могло иметь места, так как племенное единство там давно было нарушено из-за присоединения местных деревень к полисам.

² О римских чиновниках в городах Малой Азии см. D. Magie, RRAM, стр. 596 сл.; W. Ramsay, ук. соч., 1941, стр. 161 сл.

Те тенденции к объединению городов, о которых можно говорить применительно к эллинистическому периоду, проявлялись под римским владычеством в других формах. Политически эти города оказались объединенными в системе той или иной римской провинции. Включение городов Западной Малой Азии в единое государство способствовало развитию экономических связей между ними. Включение полисов в одно государство и лишение прежде суверенных полисов права собственности на землю, которая передавалась в распоряжение верховного собственника — «римского народа», способствовало развитию частной собственности на землю. Уже в эллинистический период можно наблюдать стремление к приобретению земельных владений за пределами того полиса, гражданином которого является данное лицо. Именно в этих целях был заключен договор Магнесии на Меандре с Фокеей, предоставлявший гражданам обоих городов различные взаимные привилегии, в том числе право на приобретение земли (без предоставления права гражданства)¹. К таким же результатам приводило и дарование прав взаимного гражданства сразу несколькими городами. Землевладельцы стремились сохранить свои владения и в случае перехода территорий, где они были расположены, к другим государствам. Так, родосцы после объявления Ликии и Карики «свободными» в 166 г. до н. э. отправили послов в римский сенат с просьбой разрешить им сохранить их недвижимую собственность в этих областях на прежних основаниях².

В римское время широкое распространение получила система гражданства одновременно в нескольких полисах, поскольку полис перестал быть самодовлеющей политической и экономической единицей. В надписях I—III вв. неоднократно упоминаются люди, являвшиеся одновременно гражданами нескольких городов. Так, в надписях Смирны в честь победителя упоминаются люди, которые имели гражданство в Гиерокарсии, Смирне, Эфесе, Кизике и Пергаме одновременно (L. Robert, Et. Anat., стр. 432). Один из победителей, помимо гражданства в малоазийских городах, имел еще гражданство в Византии (там же, стр. 424). Такое одновременное гражданство не только укрепляло связи городов между собой, но и вело к определенным экономическим последствиям. В одной из надписей времени Империи говорится о гражданине, который подарил своему городу (πόλις Ἀριανσέων, около Кибиры) землю, расположенную ἐν ὑπερβολῇ, т. е. вне территории, приписанной к этому городу (там же, стр. 378). В другой надписи, из провинции Ликии, гражданин Ксанфа передает городам Тлосу и Пинаре принадлежащие ему владения этих городов (ТAM, II, 261: τοὺς ἀγροὺς τοὺς ὑπ[άρχοντάς] μοι πάντας ἐν τῇ Πινάρικῃ καὶ ἐν τῇ Τλοικῃ).

Таким образом, можно думать, что граждане различных городов могли владеть землей в любом городе, к гражданству которого принадлежали.

Крупными земельными собственниками в малоазийских провинциях в первые века нашей эры являлись римляне, принадлежность которых к «римскому народу» — верховному собственнику земли — давала им возможность приобретать земли в различных местах провинции (см., например, многочисленные упоминания в надписях οἱ κατοικοῦντες Ῥωμαῖοι³). В период существования откупной системы взимания налогов с Азии откупщики захватывали за долги земли городов. Страбон (XIV, I, 26,

¹ См. «Inscripfionen von Magnesia am Meander», В., 1900, № 7.

² Polyb., XXXI, 4: Περὶ δὲ τῶν ἔχοντων ἐν τῇ Λυκίᾳ καὶ Καρίᾳ κτήσεις ἀποσπομένους τὸν σύγκλητον, ἵνα αὐτοῖς εὐεργετήσῃ καθὰ καὶ πρότερον.

³ См. А. Р а н о в и ч, ВП, 39—40, 56; ESAR, IV, стр. 639 (автор раздела о Малой Азии — Броутон разбирает надпись, где упоминаются римляне, владевшие землей).

стр. 642) упоминает об откупщиках, захвативших даже доходы со священного озера Артемиды Эфесской. О римских ростовщиках, ставших крупными землевладельцами, говорит и Цицерон (*Pro Flacco*, 40).

Отмена откупной системы упорядочила финансы провинций и положила предел безудержному ограблению провинции римскими ростовщиками, но их место заняли по большей части местные ростовщики, дававшие ссуды городам. В период I—III вв. наблюдается рост крупных состояний отдельных граждан малоазиатских городов¹. В. Рамсей, считавший провинциальную знать основой господства империи в Малой Азии, собрал в своей книге большой материал о представителях этой знати, получивших права римского гражданства и занимавших различные должности как в малоазиатских провинциях, так и в самом Риме². Римское гражданство, так же как и почетное звание «друг римского народа», ставило такого человека в привилегированное положение по отношению к остальным жителям данного полиса³.

Частная земельная собственность как римлян, так и представителей местной знати развивалась как крупная собственность. В источниках периода империи имеются достаточно многочисленные указания на существование в Западной Малой Азии крупных земельных владений. В надписях часто упоминаются землевладельцы или подарившие часть своих земель городу, или воздвигавшие для города различные постройки на доходы с полей. Примером первого случая может служить вышеупомянутая надпись (см. стр. 24) о дарении земли городу ариасейцев. Согласно этой надписи, землевладелец передает городу владения, находившиеся на землях, расположенных «на равнинах и возвышенностях» (πεδεδ[ι]νотς καὶ ὄρησιν). Они представляли собой, по всей вероятности, значительную территорию. Даритель сохранял право пожизненного владения этими землями. В одной из мисийских надписей говорится о возведении общественного здания на доходы с полей (LBW, 1033: ἐκ τῆς προσόδου [τῶ]ν ἀγρῶν). Многочисленные свидетельства роста крупной земельной собственности собрал Броутон (*ESAR*, IV, стр. 665 сл.). Ростовцев отмечает, что большая часть земель приморских городов Малой Азии находилась в частной собственности⁴.

Рост частного землевладения проходил за счет сокращения общественных земель городов⁵. Переход общественной земли в частные руки можно проследить в провинции Азии начиная с I в. до н. э. В надписи карийского города Олима этого времени говорится о ссуде в семь ты.

¹ А. Р а н о в и ч, ВП, стр. 42 сл.; А. И. П о к р о в с к и й, Новые явления в области разработки древнегреческой истории, «Историческое обозрение», т. I (СПб., 1890), стр. 165 сл.; D. M a g i e, RRAM, стр. 156—257.

² W. R a m s a y, ук. соч., стр. 6 сл. Большая часть его материала относится к Восточной Малой Азии, однако отдельные интересные примеры касаются и западных областей. Так, он приводит надписи в честь одного пергамца, который в 105 г. н. э. был даже консулом в Риме (стр. 43). Но в большинстве случаев эти новые граждане занимали высшие должности в провинциях (значительную часть их составляли жрецы, стр. 41 сл.).

³ До нас дошла надпись I в. до н. э., в которой говорится о даровании трем лицам из Милета, Клазомен и с о-ва Эвбея титула «друг римского народа», причем они освобождаются как от уплаты налогов своему родному городу, так и от уплаты налогов государству (IGRR, I, 118).

⁴ M. R o s t o w t z e f f, *The Economic and Social History of Roman Empire*, 1926, стр. 236.

⁵ Довольно многочисленные дарения земель отдельными лицами городу, связанные с общими причинами «благоденный» богатых людей в отношении своего полиса (об этих «благоденных» см., например, О. В. К у д р я в ц е в, ук. соч., стр. 114 сл.), служат в какой-то мере показателем большого удельного веса частной земельной собственности.

сяч драхм, данной городу под залог общественных земель неким Улиадом, сыном Гекатомна (ВСН, 1922, ч. 1, стр. 120). Конца надписи нет, но очевидно, что если деньги с процентами не были бы уплачены, то земли должны были перейти к Улиаду. В Миласе существовали специальные должностные лица — *ὑπερίδοι*, возбуждавшие процессы против граждан, удерживавших в своем владении общественную землю (LBW, 419). О переходе земли городов в частные руки говорят и источники поздней Империи, в частности надпись из Эфеса IV в. н. э.¹

Росту частного землевладения за счет общественных земель городов не могло не способствовать и ослабление экономического и политического влияния крупных городов, происходившее в результате политики римлян, о которой говорилось выше. В период Римской империи города оказывались в зависимости от щедрости отдельных богатых граждан. Дальнейшее развитие частной собственности на землю привело к тому, что частные земельные владения освободились от контроля полисов и землевладельцы перестали быть политически связаны с городами².

Наряду с частными владениями, в земли, контролировавшиеся городами, входили и земли, обрабатывавшиеся зависимыми общинниками³. Подчиненные городам сельские общины имели самоуправление, построенное по типу полисного (должностные лица и герусия, преобразованная из совета старейшин), но ограничивавшееся, разумеется, только внутренними делами. Это придавало общине в какой-то мере видимость политически автономной единицы и укрепляло политические связи членов коллектива между собой; эти связи, существовавшие на основе обычного права, оказывались санкционированными законом. В римский период наряду с зависимыми деревнями в надписях появляется упоминание большого количества автономных общин — катекий, являвшихся самостоятельными административными и фискальными единицами⁴. Датируются надписи из малоазийских катекий II—III и следующими веками (они относятся в основном к Мисии и Лидии). Некоторые катекии продолжали находиться в какой-то зависимости от крупных полисов. В надписях упоминаются катекии, примыкавшие к Сардам (IGRR, IV, 1755), к городу Себасте (IGRR, IV, 635). Самоуправление этих катекий также было построено по типу полисного, но трудно сказать, в чем именно в этот период заключалась их связь с полисом. Возможно, что город продолжал взимать с них налоги в свою пользу или просто служил посредником между римским сборщиком налогов и катекией (D. Magie, RRAM, стр. 1022 сл.). Однако в большинстве надписей речь идет о независимых катекиях.

Можно предположить, что в период Римской империи происходило освобождение многих сельских общин от подчинения городам, в связи с падением экономического и политического значения последних. Освобождение это могло быть результатом борьбы зависимого населения про-

¹ «Fontes iuris romani antiqui», ed. C. G r u n s, Freiburg, 1887, № 97.

² Об этом процессе см. A. H. M. J o n e s, GS, стр. 267 сл. К V—VI вв. большинство городов лишилось своей общественной земли. Как отмечает М. В. Л е в ч е н к о, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи в V—VI вв., «Византийский сборник», I (1945), стр. 54, после смерти Юлиана на Востоке происходят новые захваты городских земель. В этот период императоры издают указы о возвращении городам такого количества земли, чтобы на доходы от этих земель они могли восстановить городские стены.

³ О деревнях на землях городов свидетельствуют многие источники: S t r a b o, XIII, 4,17 (земли Кипры); D i o C h r y s., Or. XXXV, 13—14 (земли Апамен); LBW, 1534 (надпись из окрестностей Смирны); IGRR, IV, 1237 (земли Тиагры); IGRR, IV, 1635 (земли Филладельфии) и т. д.

⁴ О катекиях как административных единицах см. V. C h a p o t, ук. соч., стр. 97.

тив полисов¹, а в ряде случаев оно могло проводиться сверху — римским правительством, в целях создания более мелких фискальных единиц, непосредственно подчиненных римским чиновникам. Надписи с упоминанием катекий, к сожалению, очень однообразны. В основном они относятся или к вопросам, связанным с культом императоров, почестями, которые воздавала им катекия, или являются постановлениями в честь того или иного лица, обычно из представителей центральной администрации. В одной лидийской надписи говорится о дележе и передаче одним лицом другому виноградника и молодой поросли с тем, чтобы лицо, получившее виноградник, предоставляло катекии Бонитов ежегодно какое-то количество вина². Конец надписи не сохранился, и мы не можем судить о размерах взноса внутри общины. На основании этой надписи можно предположить, что участки внутри общины распределялись между ее членами и могли передаваться из рук в руки, причем часть урожая шла в общий фонд общины.

Для вопроса о статуте катекий интересна еще надпись, представляющая собой письмо какого-то императорского чиновника катекии Тейренов (Ath. Mitt., 1878, стр. 58). Этому поселению предоставляется статут катекии и передается земля: поле, «чтобы кометы пользовались им и засеивали его...»³. В распоряжение катекии предоставлялись также соседние с полем участки, поросшие кустарником, т. е. необработанная земля. Катекии обязывались ежегодно справлять день рождения императора и воздвигнуть ему стацию. Судя по этой надписи, катекиям специальным постановлением даровалось самоуправление и право распоряжаться прилегающей землей. Катекии, по всей вероятности, непосредственно подчинялись чиновникам императорского фиска. Земли катекий иногда примыкали к землям императорских доменов, но не входили в них, представляя собой особую категорию⁴.

Ко времени отделения Восточной Римской империи в Малой Азии сохранилось значительное количество самоуправляющихся общин. В законодательстве IV и последующих веков упоминаются самоуправляющиеся деревни (метрокомии — вероятно, объединения нескольких деревень) и *vici publici*. Члены таких общин были обязаны круговой порукой. Внутри общин было развито не только индивидуальное владение землей, но и собственность на землю⁵. В одном из постановлений V века н. э. жителям метрокомии запрещается продавать землю кому-нибудь кроме односельчан (CI, XI, 56)⁶. Судя по этому запрещению, проводимому в фискальных целях (община продолжала выступать как административно-фискальная единица), можно думать, что внутри общины существовала уже частная собственность на землю. Как отмечает М. В. Левченко (ук. соч., стр. 29), в этот период не только приусадебная, но и

¹ О борьбе зависимых общин с городами в III в. до н. э. — I в. н. э. см. «Inscriptionen von Priene», В., 1906, № 17; IGI, I, 1036; S t r a b o, XIV, 1, 26.

² IGRR, IV, 1675: Σωτήριχος Φίλο . . . . . Λουκίῳ ὃ ἀνεθρήψαμεν ἀπέλων δεκανίαν, [ἦν] ἐκθροφασαμεν καὶ καλᾶμου πλέτρον ἐν ἀπὸ δεκανίας Κολπηνῆς, ἅτινα ἀποκαταστήσει τῇ γλυκὺτατῇ μοῦ Βωνειτῶν κατοικίᾳ, ὡς γεωργούμενον οἶνον καθ' ἑ[κ]αστον ἐνιαυτὸν... «Сотерих, сын Фило. . . . . Луцию, которому вырастил деканию виноградника, которую получил по жребью, и один плетр поросли из декании Колпена, с чего будет предоставлять моей дражайшей катекии Бонитов выработанного вина ежегодно . . .»

³ Καταλείπω [τῇ τῶν Τειρηγῶν κατοικίᾳ χρῆ[σιν νο]μῆς καὶ καρ[ε]ίας ἀγροῦ καλοῦμ[έ]νου . . . [ἵνα οἱ κω]μῆται χρωῦνται καὶ καρ[ε]ῶν]ται αὐτῷ κτλ.

⁴ См., например, надпись, приведенную у W. Ramsay, ук. соч., стр. 70, где говорится о катекии, вошедшей в сношение с деревней императорского домена.

⁵ М. В. Левченко, ук. соч., стр. 28 сл.

⁶ О собственности на землю внутри общин, вероятно, можно говорить не раньше IV в. н. э.

пахотная земля находилась в частной собственности у крестьян. Наличие таких общин в IV—V вв. позволяет думать, что в предшествующее время шел процесс их освобождения из-под власти городов. Общая натурализация хозяйства Римской империи в IV в., сокращение денежного обращения, захватившие и Западную Малую Азию, должны были способствовать сохранению таких общин, замедляя процессы их разложения.

Сокращение городских земель (переход их в частные руки и освобождение общин из-под власти полисов) означало уменьшение сельского населения, эксплуатируемого городами. Хотя можно говорить о значительном количестве самоуправляющихся поселений, подчиненных непосредственно императорским чиновникам, большая часть сельского населения, находившегося прежде на городских землях, обрабатывала теперь владения императоров и частных лиц. Поскольку основной материал о положении зависимых земледельцев касается императорских доменов, мы сначала рассмотрим свидетельства, относящиеся к этим землям, а затем уже — те немногочисленные данные, которые характеризуют положение на частновладельческих землях¹.

Императорские домены Малой Азии в большинстве случаев сдавались в аренду крупным арендаторам — *μιστοται*², что соответствует *conductores* латинских надписей.

Если африканские надписи II века н. э. указывают на индивидуальную сдачу участков в аренду колонам, то в малоазийских надписях мы, как правило, встречаемся только с *κῆραι* и *καταί*. Крупные арендаторы, так же как и правительственные чиновники, имели дело с деревнями, *κῆραι*. Надпись из императорского поместья около Филадельфии в Лидии (III в. н. э.) содержит жалобу колонов на чрезмерные поборы сборщиков налогов. В этой надписи указывается, что все, принадлежащее (имеется в виду прежде всего земля) жителям этого домена (они называют себя *γεωργοί*), подлежит, согласно земельному уставу, ведению фиска³. О существовании таких уставов мы знаем и из других надписей. Одна вифинская надпись того же времени поставлена в честь вифинарха, давшего устав (*νόμη*) всем живущим в поместье (*τῆν ἀρχοντικῶν κατοικουμένης*)⁴. Таким образом, в период Империи жители деревень Западной Малой Азии обрабатывали земли императорских доменов на основании юридически определенного статута, который, возможно, закреплял связь их с общиной. Крестьяне домена около Филадельфии являлись наследственными арендаторами земли: они указывают в жалобе, что на этой земле находятся могилы их предков. Они имели какую-то внутреннюю организацию; в надписи упоминается «управитель народа» (*ἐξαρχοῦμενος τοῦ ἔθνους*), который должен был передать жалобу.

Очень интересна надпись из Фригии III века, которая также представляет собой жалобу на притеснение со стороны должностных лиц (OGIS, 519)⁵. Жалоба эта написана от имени *κοινοῦ τῶν Ἀραγωνιῶν παροίκων καὶ γεωργῶν*. Здесь мы имеем дело с объединением (*κοινοῦ*) земледельцев и пареков, которые, как видно из дальнейшего текста, живут деревней. Арагвенские колоны называют себя: «Мы — ваше священнейшее имение (*ἁγιόσιον*) и как бы целостный народ», тем самым подчеркивая свое единство. Организация населения в общины в императорских поместьях была

¹ Броутон предполагает, что в целом организация императорских доменов и частных хозяйств была в основном одинаковой (ESAR, IV, стр. 657).

² См. W. R a m s a y, ук. соч., стр. 70; MAMA, IV, стр. 673; ESAR, IV, 113 и т. п.

³ MAMA, IV, стр. 657—658. Перевод этой надписи — см. «Хрестоматия по истории древнего мира», под ред. В. В. Струве, т. III, 1953, стр. 244—245.

⁴ LBW, 117. Эти *νόμη* и послужили основой для последующего общегосударственного законодательства относительно колонов.

⁵ Перевод надписи — см. «Хрестоматия...», стр. 245—246.

настолько характерной, что и пареки¹, поселившиеся на императорской земле, оказались включенными в объединение. Можно предположить, что поскольку пареки так легко вошли в объединение земледельцев, обработка земли велась парцеллярно, в то время как подать взysкивалась с объединения в целом. Характерно, что в малоазийских надписях ничего не говорится об индивидуальных отработках, часто упоминаемых, например, в североафриканских надписях. В первых речь идет только о налогах, постоях солдат, дорожных, извозных и других повинностях, которые должны были нести члены объединения в целом. Это кажется лишним подтверждением тому, что императорские земли в Малой Азии обрабатывались не индивидуальными арендаторами, а деревнями, общинами.

На частных землях также существовали зависимые деревни. Так, в одной из надписей Магнесии на Меандре говорится о вольноотпущеннике императора Клавдия, на земле которого находилась деревня Καλύη (Inschr. v. Magnesia, 113). Ко времени Клавдия или Нерона относится надпись с посвящением жителем г. Эзаны культу Августов принадлежавшей этому городу деревни Палока и доходов с нее: τῆν ἐκτεμενῆν Παλόκα καὶ τὸν ἀπὸ τῆς αὐτῆς πρόσδοσιν (IGRR, IV, 1582). Но на частных землях разложение общины должно было идти быстрее, так как императоры, как и их предшественники — эллинистические правители, использовали общину в качестве административно-фискальной единицы и тем самым закрепляли форму общинной организации. Отдельные участки своей земли частные собственники сдавали свободным арендаторам. О последних упоминает в одной из своих речей софист Элий Аристид, владевший землями в Мисии (Or. L, 105 — 108). Большинство же колонов происходило, вероятно, не из свободных крестьян, как в Италии, а из зависимых общинников. Возможно, что категория колонов — ἐναπόγραφα (adscripticii), которые в законодательстве упоминаются наряду с δοῦλοι и coloni liberi и отличаются от них², возникла в восточных провинциях Римской империи на основе эксплуатации зависимых крестьян, приписанных к своей ἰδία и не пользовавшихся правом собственности на землю.

Частные земли обрабатывались также с помощью рабов, посаженных на землю. Можно думать, что именно о таких рабах идет речь в надписи III века из Гираполя, где говорится о постройке одним землевладельцем театра с помощью «агроекков» (δὲ τῆς τῶν ἰδίων ἀγροίκων βοηθείας — IGRR, IV, 808). Термин ἀγροίκοι сам по себе или в сочетаниях ἀνδράποδα ἀγροίκια, οἰκῆται ἀγροίκοι (последнее выражение встречается и у Гесихия при объяснении термина ἀφαιδῆται) часто встречается в поздних текстах, в особенности в кодексе Юстиниана и новеллах, где это слово означает рабов, посаженных на землю³.

В фрагменте земельного кадастра с о-ва Фера (III в.) перечисляются названия земельных участков того или иного поместья, те сельскохозяйственные культуры, которые там возделывались, и имена людей, обрабатывавших эти участки (IGI, III, 343). Участки, указанные в надписи, обрабатывались пареками и δοῦλοι ἐπὶ τὰς χώρας. Против каждого имени (и в том и в другом случае без отчества) указывается, какое количество скота находилось в распоряжении работников. Хозяйство пареков и

¹ Пареками в кодексе Юстиниана называется одна из категорий колонов; этот термин обычно переводится на латинский язык inquilini «поселенцы». Юрист II века определяет пареков как пришельцев, обрабатывающих землю какого-либо города (Dig., ст. 239).

² Как отмечает М. В. Левченко, ук. соч., стр. 26, ἐναπόγραφα отличаются от coloni liberi тем, что не имеют права на собственность, но только на иккулий.

³ См. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 20—21.

рабов было мелкое: у них имелось только по одному быку, иногда упоминается осел (и в хозяйстве раба и в хозяйстве парека) и мелкий скот, числом от трех до семи голов. Количество скота у рабов и пареков было примерно одинаковым. Судя по этой надписи, большая часть земли в частных владениях была разбита на мелкие участки, причем не было существенной разницы между участком, обрабатываемым рабом и колоном¹.

Частное землевладение соперничало с императорским. Колоны часто бежали из императорских доменов к частным собственникам. В конце уже упоминавшейся жалобы колоннов лидийского домена имеется угроза, что, если злоупотребления должностных лиц не будут прекращены, колонны будут вынуждены перейти на частные земли. Крупные собственники, заинтересованные в увеличении количества рабочих рук на своих землях, защищали перебежавших земледельцев от центральной власти.

Таковы основные черты экономического развития Западной Малой Азии в период Империи. Этот период характеризуется прежде всего сокращением общественной земли городов. В IV—V вв. многие мелкие города вообще перестали существовать, а прибрежные крупные города постепенно превращались просто в торгово-ремесленные центры. То, что некоторые города, например Эфес, продолжали владеть земельными территориями, не являлось ни в какой мере определяющим фактором в экономическом развитии Малой Азии. Образование в III—I вв. до н. э. крупных городских объединений, контролировавших обширные территории, создало благоприятные условия для развития крупной земельной собственности членов гражданского коллектива.

Дальнейшее развитие собственности на землю привело к значительному уменьшению *χωρα πολιτικη* — основы античного полиса. Крупные частные земельные владения обрабатывались мелкими арендаторами — зависимыми крестьянами и рабами, посаженными на землю, в то время как на императорских доменах и землях, подчиненных императорскому фиску, сохранились общины. Образование крупной частной собственности на землю, независимой от городов и соперничающей с императорским землевладением, являлось уже предпосылкой нового способа производства.

¹ Трудно проследить действительную разницу в тот период между положением парека и колона (*γεωργός*). Термин *παροικούντες* применяется иногда вообще к жителям деревни (например, в надписи III в. из Вифинии одни и те же люди называют себя и *την ἀγροικίαν κατοικούντες* и *την ἀγροικίαν παροικούντες* — LBW, 1178). В Византийской империи пареки (парикли) обозначали вообще зависимых крестьян (см. например, Ш. Диль, Основные проблемы Византийской истории, М., 1947, стр. 113 сл.).